

Среди пламени саг...

РАССКАЗ

КАТЕБ ЯСИН

Катеб Ясин — один из виднейших современных алжирских писателей, автор романов, новелл, стихов и пьес, активный участник освободительного движения. Летом 1964 года писатель посетил Советский Союз.

- Тебя научить грамматике или поэзии?
- Поэзии.
- А может, и тому и другому?
- Да, да, и тому и другому.

*Лев останется львом,
Даже лишившись когтей.
А собака останется собакой,
Даже если воспитать ее среди львов.*

— Каждый, кто помнит этот стих, может считаться львом, — говорит мой отец.

Значит, я — лев.

Выпив, отец начинает изъясняться стихами и в ответ на увещевания моего друга Кади раскрывает перед ним в кратком поэтическом обзоре все неопцененные достоинства тонких вин. Хорошо еще, если Кади не отправляется с отцом в бар, чтобы пополнить свои знания.

— Да, — говорит отец, — настоящий лев всегда пьян. Такова его природа. Когда он выпьет, он становится подобен раскаленному углю, и, как искры, сыплются с него блохи. А потом усы его обвисают, грива седеет, и вот уже развеялся по ветру его прах...

— Но частенько по утрам лев просыпается в совсем не львином виде, — говорит мама и тут же убегает, не дожидаясь папиного рычания.

* * *

Если бы кто-нибудь, хоть издали, мог наблюдать за тесным семейным мирком, где протекали первые годы моей жизни, он, конечно, сказал бы, что я непременно стану писателем или уж во всяком случае страстным любителем литературы. А если бы у этого человека спросили, на каком языке я буду писать, он ответил бы, не колеблясь:

«На языке своего отца и матери, дедов и прадедов — на арабском». И он, конечно, был бы прав, так как, насколько помню, первые поэтические восторги я черпал из родного источника.

Мой отец в часы, свободные от штудирования комментариев к корану и мусульманского права, храбро сочинял стихи, да и мама часто занималась тем же. Кроме того, у нее был несомненный актерский талант. Да что говорить! Она одна могла заменить целый театр, и обычно я был ее единственным и самым благодарным зрителем. Представления давались в отсутствие отца: он в это время сидел на каком-нибудь процессе, откуда возвращался настроенный шумливо или трагически в зависимости от исхода дела.

* * *

В другое время мама, наверное, стала бы великой актрисой. Однажды она изобразила для меня целый вокзал со всей его шумной, специфической атмосферой, со свистками локомотива, тяжелого, хлопотливого, пахнущего углем. Она вложила во все это острую тоску женщины, заключенной всю жизнь в четырех стенах. Как ей хотелось бы самой отправиться путешествовать... Я бежал за ней следом и кричал: «Остановись, остановись, не уезжай!»

Тогда мы жили в Седрете, недалеко от алжиротунисской границы, где по сей день чудом сохранились остатки нашего племени. К этому времени относятся мои самые беспорядочные и все же самые яркие воспоминания. Попросту говоря, тогда я был счастлив.

Все шло прекрасно, пока не закончилось мое кратковременное обучение в арабской школе. Проглотив неимоверное количество совершенно непонятных стихов из корана и получив за это почетный знак — цветную дощечку, я мог бы на том и успо-

коиться. Я бы стал посредственным местным бардом, который довольствуется тем, что знает, не пытается прыгнуть выше головы и счастлив, как рыба в милом ее сердцу, хоть и слишком темном пруду. Но меня, увы, ожидала другая судьба. Я должен был броситься в бурный поток, подобно тем бедным форелям, чей жизненный путь неизбежно кончается на сковородке. Впрочем, тогда я был глупым маленьким лягушонком, который доверяет всему и всем.

И вот когда мне исполнилось семь лет (а было это уже в другой деревне — семья наша часто переезжала с места на место из-за всяких изменений в судебном ведомстве), мой отец, этот сумасбродный, насмешливый слуга правосудия, вдруг порешил немедленно бросить меня прямо в волчью пасть — отдать во французскую школу. Решение это он принял скрепя сердце.

— Хватит с тебя учить арабский язык. Я не допущу, чтобы вроде меня ты стал жертвой медресе. В прежние времена я и твоя мать могли бы тебя всему научить сами. А теперь? Ведь французский язык одолевает арабский. Значит, ты сам должен одолеть французский, оставив на время все, что мы тебе вдалбливали, когда ты был маленьким. А потом, одолев его, ты с нашей помощью опять вернешься к прежнему.

Такую речь держал мой отец. Но верил ли он сам в то, что говорил?

Мама тяжело вздыхала.

Теперь я уже один готовил уроки, а она, как неприкаянная, бродила вокруг. Прощай, прощай, наш театр! Прощайте, наши ежедневные разговоры против отца, когда мы дружно отражали его язвительные нападки...

* * *

После трудного и не слишком успешного дебюта я постепенно пристрастился к французскому языку. А позднее, влюбившись без памяти в живую, подвижную учительницу, дошел до того, что задумал сделать ей сюрприз, перерешав потихоньку все задачи в учебнике арифметики!

Мама была натурой чувствительной, и моя неверность прошлому очень огорчала ее. Она ревниво пыталась оторвать меня от занятий. «Ты так заболел», — говорила она. А однажды вечером пришла ко мне с простодушной просьбой: «Научи меня французскому языку, чтобы я могла быть рядом с тобой в твоей новой жизни...»

Так железный капкан нового времени обрубил, сомкнувшись, мои слабые корни. И до сих пор мне мучительно стыдно вспоминать о том, какую идиллическую гордость я испытывал, когда мама с французской газетой в руках устроилась за моим рабочим столом. Она сидела такая бледная, молчаливая и непривычно чужая, словно, повинувшись прика-

зу маленького жестокого школьника, своего сына, обессиленная, изнемогая от одиночества, приготовилась следовать за ним в страшную волчью пасть.

Никогда, даже радуясь похвалам учительницы, я не переставал мучиться тем, что связь между мной и мамой рвется, что оба мы становимся изгоями, которые, сближаясь лишь на короткие часы во время занятий, все упорней пытаются по какому-то тайному, молчаливому согласию заглушить в себе голос крови, изгнать из памяти последние слова родного языка. Так я разом потерял и свою мать и ее язык.

* * *

С тех пор прошло 25 лет. Сейчас я в Каире, и редактор газеты «Аль-Ахрам» протягивает мне журнал: ливанский поэт переводит мои стихи на мой родной язык. Внизу я с трудом разбираю по складам свое имя.

Ярость предков растет. И теперь знаменитые строки Ибн-Араби приобретают для меня совсем новый смысл:

*Что ни случится,
Ты вынесешь все,
Сердце мое,
Среди пламени сад...*

* * *

Горестный сад среди пламени, расцветающий под грозовым небом, среди тысячи опасностей, — не символ ли это жизни алжирского певца, который, даже лишенный родного языка, продолжает петь в страшной волчьей пасти?

*Перевела с французского
Галина Джугашвили*

ЧУДОДЕЙСТВЕННЫЕ БИКИНИ

Египетская газета «Аль-Ахбар» сообщает: немой от рождения 25-летний египтянин внезапно обрел дар речи, впервые в жизни увидев на пляже в Александрии молодых купальщиц, одетых лишь в бикини.

На пляж его привела мать. Каков же был ее восторг и удивление, когда немой сын при первом же взгляде на юных красавиц-наяд вскрикнул сначала «йа-бой», что на разговорном арабском диалекте означает «боже мой!», а потом и заговорил.

По утверждению «Аль-Ахбар», все врачи, к которым мать водила своего немого сына, единодушно заявляли, что он неизлечим. Не теряя надежды на медицинское чудо, мать привезла сына в Александрию, чтобы показать его крупнейшему специалисту. Чудо свершилось.